

ПОТЕПЛЕНИЕ КЛИМАТА

Когда-то давно было сказано: если бы камни Парижа обрели дар речи, они могли бы рассказать такие истории, какие не способен выдумать ни один романист. Много веков славный город на Сене был центром скрещения всех европейских политических дорог. Великие войны и грандиозные революции потрясли его. Он знал бистателльные победы и сокрушительные поражения. И сейчас еще старый парижанин мог бы показать приезжему иностранцу старинный медный диск, смонтированный в асфальт на площади перед собором Парижской богородицы. Показав бы и, смагчая слова шутливой улыбкой, сказать:

— Когда-то говорили, что это центр мира...

И вот этот славный город, привыкший со спокойным достоинством оказывать гостеприимство самым знаменитым представителям человечества, город-аристократ, радушно принимающий иноземных глав правительств и глав государств, в последнее время заметно потерял свое обычное спокойствие. Париж взволнован и уже даже не старается скрывать это волнение. Вот уже несколько недель визит «смере К.», как именуют здесь печатку Никиту Сергеевича Хрущева, занимает умы, служит предметом ожесточенной полемики между партиями, темой горячих дебатов в министерских кругах. О нем во все горло кричат заголовки газет всех направлений. Умывающиеся лицо премьер-министра первого в мире социалистического государства смотрят со страниц даже таких журналов, где несколько месяцев назад всячески изгонялись слова «Советский Союз».

Уже само ожидание визита, который заранее называют в газетах «важным», «сбывалым», «обнадеживающим», «историческим», вызвало заметное потепление в отношении к Советскому Союзу, быстрый рост интереса к советской культуре, литературе, музыке и, конечно, к советской науке и технике.

Недели три назад я был проездом в Париже. В те дни, как, впрочем, и сейчас, на Елисейских полях демонстрировался фильм «Нормандия-Неман». Он шел в огромном кинотеатре. Его зал редко бывает полным. Но все наши попытки достать билеты на этот фильм закончились неудачей. Билеты были проданы на много дней вперед. На следующий день, уже в самолете, несущем нас в Москву, мы познакомилась с авиационным генералом, в состав соединения которого входила когда-то эскадрилья «Нормандия». Он возвращался из Парижа глубоко растроганный воем волнениям рассказывал, как обычные киносеансы превращались в демонстрацию франко-советской дружбы.

Вчера я встретил композитора Арама Хачатуряна. Возвращаясь с гастролей по Южной Америке, он задержался в Париже, чтобы дать здесь несколько симфонических концертов.

— Вы представляете, ни одного свободного места! Я не мог достать билет даже для друзей. На симфоническом концерте — вы понимаете, на симфоническом концерте! — не только аплодировали, но кричали, вскакивали на стулья, — восторженно рассказывал Арам Ильич и добавлял: — Я, конечно, понимаю, тут не только музыка и не только дирижерское искусство, тут визит Никиты Сергеевича сыграл первую скрипку в таком приезде...

Столь же заметное «потепление парижского климата» и быстрый рост интереса к советской жизни были отмечены знатоками парижской публики на недавно окончившихся гастролях Эмиля Гиезельса и Давида Ойстраха. А это верный барометр, который никогда не обманывает.

НАКАНУНЕ

Ранним утром мы, стайка советских корреспондентов, отправившись в поход по Парижу. Решили пройтись на метро, на автобусах, пройтись пешком по центру, по среднему району, по рабочим окраинам, которые здесь иногда называют «красным поясом столицы».

Договаривались не прибегать к традиционному в таких случаях журналистскому приему и отказались от соблазна беседовать с продавцами газет, консьержками, случайными соседями по скамье в вагоне и иными дежурными героями различных газетных корреспонденций. Решили только посмотреть.

Утро было прохладное. Легкий туман окутал все окружающее и придавал Парижу тот флюидный тон, который кажется неестественным и даже надуанным на австралийских парижских художников. Хотя улица была еще тихая и движение лишь начиналось, уже было видно, как город припарковался в ожидании советского гостя. Пучки флагов французских и советских украшали здания. И чем дальше уходили мы от центра города, тем больше становилось флагов. В «красном поясе», где живет рабочий люд, где в мундирных парадках преобладают коммунисты, разукрашены все дома. И не только флаги. Нетрестные кортики свисают с балконов, с плакатов улыбаются Никита Сергеевич, которого называют здесь посланцем мира и дружбы.

Открывались газетные киоски. Киоскеры развешивали свежие, еще пахнущие типографской краской номера только что вышедших газет. И не было среди них ни одной, которая не дала бы на самом видном месте сообщений о предстоящем визите. Мы просмотрели с помощью друзей толстую папку газет, от «Юманите» до самых правых.

Нет, я отношусь не сторонним осужденной «теории» бесконфликтности. Я обманул бы читателей, если бы сообщил, что все круги и политические группировки Франции единодушно приветствуют московского гостя. Но, честное слово, как смешно и жалко те, кто, вопреки здравому смыслу, вопреки настойчивому требованию времени, продолжают судорожно цепляться за тающие и рассыпающиеся айберги «холодной войны»!

Начав печатать серию статей «Французы и месье Хрущев», «Монд» признает, что оппозиция визиту ограничивается «лишь несколькими видными людьми и крайне несерьезными группами» и что члены этих групп выразят свое несогласие с приездом Хрущева тем, что наденут черные галстуки... Несколько муниципальных советников пригрозили, что не будут принимать участия в официальных приемах. Каким ничтожным кажется этот злой комариный писк перед лицом того огромного, можно сказать без преувеличения, жадного интереса к визиту, который чувствуем сейчас все мы, находящиеся в эти часы во Франции.

Витрины книжных магазинов превратились в своеобразные выставки. Книжки, посвященные Советскому Союзу, советской культуре, Москве, Ленинграду, книге, посвященные и самому Никите Сергеевичу. В магазине, что на углу бульвара Сен-Жермен, мы насчитали 28 таких книжек. Все советское в эти дни приобретает какой-то особый интерес у Парижа: советские фильмы, советские товары и даже... советская водка.

Благодаря «Франс-суар» обратилась к ти-

Когда-то давно было сказано: если бы камни Парижа обрели дар речи, они могли бы рассказать такие истории, какие не способен выдумать ни один романист. Много веков славный город на Сене был центром скрещения всех европейских политических дорог. Великие войны и грандиозные революции потрясли его. Он знал бистателльные победы и сокрушительные поражения. И сейчас еще старый парижанин мог бы показать приезжему иностранцу старинный медный диск, смонтированный в асфальт на площади перед собором Парижской богородицы. Показав бы и, смагчая слова шутливой улыбкой, сказать:

— Когда-то говорили, что это центр мира...

И вот этот славный город, привыкший со спокойным достоинством оказывать гостеприимство самым знаменитым представителям человечества, город-аристократ, радушно принимающий иноземных глав правительств и глав государств, в последнее время заметно потерял свое обычное спокойствие. Париж взволнован и уже даже не старается скрывать это волнение. Вот уже несколько недель визит «смере К.», как именуют здесь печатку Никиту Сергеевича Хрущева, занимает умы, служит предметом ожесточенной полемики между партиями, темой горячих дебатов в министерских кругах. О нем во все горло кричат заголовки газет всех направлений. Умывающиеся лицо премьер-министра первого в мире социалистического государства смотрят со страниц даже таких журналов, где несколько месяцев назад всячески изгонялись слова «Советский Союз».

Уже само ожидание визита, который заранее называют в газетах «важным», «сбывалым», «обнадеживающим», «историческим», вызвало заметное потепление в отношении к Советскому Союзу, быстрый рост интереса к советской культуре, литературе, музыке и, конечно, к советской науке и технике.

Недели три назад я был проездом в Париже. В те дни, как, впрочем, и сейчас, на Елисейских полях демонстрировался фильм «Нормандия-Неман». Он шел в огромном кинотеатре. Его зал редко бывает полным. Но все наши попытки достать билеты на этот фильм закончились неудачей. Билеты были проданы на много дней вперед. На следующий день, уже в самолете, несущем нас в Москву, мы познакомилась с авиационным генералом, в состав соединения которого входила когда-то эскадрилья «Нормандия». Он возвращался из Парижа глубоко растроганный воем волнениям рассказывал, как обычные киносеансы превращались в демонстрацию франко-советской дружбы.

Вчера я встретил композитора Арама Хачатуряна. Возвращаясь с гастролей по Южной Америке, он задержался в Париже, чтобы дать здесь несколько симфонических концертов.

— Вы представляете, ни одного свободного места! Я не мог достать билет даже для друзей. На симфоническом концерте — вы понимаете, на симфоническом концерте! — не только аплодировали, но кричали, вскакивали на стулья, — восторженно рассказывал Арам Ильич и добавлял: — Я, конечно, понимаю, тут не только музыка и не только дирижерское искусство, тут визит Никиты Сергеевича сыграл первую скрипку в таком приезде...

Столь же заметное «потепление парижского климата» и быстрый рост интереса к советской жизни были отмечены знатоками парижской публики на недавно окончившихся гастролях Эмиля Гиезельса и Давида Ойстраха. А это верный барометр, который никогда не обманывает.

НАКАНУНЕ

Ранним утром мы, стайка советских корреспондентов, отправившись в поход по Парижу. Решили пройтись на метро, на автобусах, пройтись пешком по центру, по среднему району, по рабочим окраинам, которые здесь иногда называют «красным поясом столицы».

Договаривались не прибегать к традиционному в таких случаях журналистскому приему и отказались от соблазна беседовать с продавцами газет, консьержками, случайными соседями по скамье в вагоне и иными дежурными героями различных газетных корреспонденций. Решили только посмотреть.

Утро было прохладное. Легкий туман окутал все окружающее и придавал Парижу тот флюидный тон, который кажется неестественным и даже надуанным на австралийских парижских художников. Хотя улица была еще тихая и движение лишь начиналось, уже было видно, как город припарковался в ожидании советского гостя. Пучки флагов французских и советских украшали здания. И чем дальше уходили мы от центра города, тем больше становилось флагов. В «красном поясе», где живет рабочий люд, где в мундирных парадках преобладают коммунисты, разукрашены все дома. И не только флаги. Нетрестные кортики свисают с балконов, с плакатов улыбаются Никита Сергеевич, которого называют здесь посланцем мира и дружбы.

Открывались газетные киоски. Киоскеры развешивали свежие, еще пахнущие типографской краской номера только что вышедших газет. И не было среди них ни одной, которая не дала бы на самом видном месте сообщений о предстоящем визите. Мы просмотрели с помощью друзей толстую папку газет, от «Юманите» до самых правых.

Нет, я отношусь не сторонним осужденной «теории» бесконфликтности. Я обманул бы читателей, если бы сообщил, что все круги и политические группировки Франции единодушно приветствуют московского гостя. Но, честное слово, как смешно и жалко те, кто, вопреки здравому смыслу, вопреки настойчивому требованию времени, продолжают судорожно цепляться за тающие и рассыпающиеся айберги «холодной войны»!

Начав печатать серию статей «Французы и месье Хрущев», «Монд» признает, что оппозиция визиту ограничивается «лишь несколькими видными людьми и крайне несерьезными группами» и что члены этих групп выразят свое несогласие с приездом Хрущева тем, что наденут черные галстуки... Несколько муниципальных советников пригрозили, что не будут принимать участия в официальных приемах. Каким ничтожным кажется этот злой комариный писк перед лицом того огромного, можно сказать без преувеличения, жадного интереса к визиту, который чувствуем сейчас все мы, находящиеся в эти часы во Франции.

Витрины книжных магазинов превратились в своеобразные выставки. Книжки, посвященные Советскому Союзу, советской культуре, Москве, Ленинграду, книге, посвященные и самому Никите Сергеевичу. В магазине, что на углу бульвара Сен-Жермен, мы насчитали 28 таких книжек. Все советское в эти дни приобретает какой-то особый интерес у Парижа: советские фильмы, советские товары и даже... советская водка.

Благодаря «Франс-суар» обратилась к ти-

Москва, Внуковский аэродром, 23 марта. «Счастливого пути, больших успехов!» — пожелали вчера Н. С. Хрущеву провожавшие его москвичи. Фото М. Трахмана

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й № 36 (4161)

Четверг, 24 марта 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Марианна жмет руку Никите Хрущеву

БОРИС ПОЛЕВОЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Встретились в этом большом зале славной столицы, где в этот вечер из эфирных волн разносится музыка, которую называют «красным поясом столицы».

«НИКИТА ХРУЩЕВ, ТЫ — ДРУГ ФРАНЦИИ!»

Все было обставлено с небывалой торжественностью. На аэродроме Орли, одной из самых оживленных и благоустроенных аэропортов мира, выстроен специальный салон для приема высоких гостей. Его украсили картинами, привезенными из Луэра. Стотридцатиметровый красный ковер вел от места, куда подул самолет, к салону. Части военно-воздушных сил в парадной форме были выстроены вдоль этой дорожки в почтеном карауле. Возле самого салона дружно шеренгами выстроилась рота республиканской гвардии — гиганты в сверкающих шлемах с данными черными хвостами. Французские коллеги, с которыми мы уже успели познакомиться и подружиться, не преминули подчеркнуть, что гвардейцы в форме времен Первой Республики сегодня надели бейзовые доспехи и бейзовые перчатки — знак высшего почтения.

И вот красный самолет «ИЛ-18» поругала к краю дорожки. Из него вышел глава Советского правительства, сопровождаемый его женой, супругой и другими членами семьи Никиты Сергеевича. И как всегда члены семьи Никиты Сергеевича. И как всегда торжественная, немалая напряженная атмосфера словно начала отпаивать... Все было по плану. Оркестр исполнил Гимн Советского Союза и «Марсельезу». Президент де Голль и его гость прошли вдоль шеренг почетного караула. При их приближении гвардейцы салютовали сверкающими палашинами. И все же, как показалось нам, с первых шагов путь по французской земле между посланцем великого советского народа и главой Французской республики установилось нечто большее, чем бывает обычно при встречах глав государств. — вдоль

стали шли два умеренных человека, два генерала, знающих не по словам, что такое война, шли представители двух крупнейших стран континентальной Европы, от дружбы которых многие зависят в будущем... И это ощущение укрепилось, как только хозяин дома и его гость подошли к микрофону, установленному в салоне.

Президент де Голль сердечно приветствовал Председателя Совета Министров СССР Никиту Сергеевича в своей первой произнесенной на французской земле простой и необыкновенно человеческой речи как бы сразу взял быка за рога.

Н. С. Хрущев ответил, что он с удовольствием принял приглашение посетить Францию и рад встретиться с Президентом де Голлем, к которому советские люди питают уважение, как к патриоту Франции.

Далее Никита Сергеевич сказал, что в Советском Союзе, как и во Франции, до сих пор нередко находят в земле неразорвавшиеся бомбы, снаряды, а иногда и целые склады боеприпасов, оставленные гитлеровцами во время войны. Снаряды и бомбы прожелели, и удаление их из земли связано с большим риском. Но оставили их на месте нетронутыми — значило бы пойти на еще больший риск.

Как же быть? — продолжал Н. С. Хрущев. Наши саперы в таких случаях смело берутся за дело и действуют ловко и умело, удаляют эти опасные последствия войны. Так же должны действовать и мы с вами, государственные деятели, расчищая нашу древнюю и прекрасную землю от последствий черных военных времен. Дело это трудное, сложное, но народы скажут нам спасибо, если мы горно и дружно сделаем общее дело...

В этот момент речи и посмотрел на лица де Голля и вообще французских слушателей. Французы, знающие, что такое война, не мог не тронуть за сердце образ, прозвучавший в речи Никиты Сергеевича. Это ясно отразилось на лицах, и это, как мне кажется, было первым успехом начинающего визита.

Первый день пребывания Никиты Сергеевича Хрущева в Париже чрезвычайно насыщен. Обо всем не расскажем. Но два мероприятия этого дня просто нельзя не

описать. В центре Парижа, на площади Звезды, где пересекаются основные городские магистрали, стоит Триумфальная арка. Здесь находится могила неизвестного солдата.

Днем и ночью горит над могилой неугаемый огонь. Мне приходилось бывать у этой могилы летом и зимой, весной и осенью. И всегда чьи-то руки клали к изголовью надгробия живые цветы, иногда роскошные букеты роз, иногда скромные полевые ромашки, а то и просто ветки сосны или ели.

Первое, что сделал Никита Сергеевич после завтрака в отведенной для него резиденции, — направился сюда, к этому скромному солдатскому памятнику, с тем, чтобы в присутствии Президента Республики, высших офицеров армии, кавалеров орденов возложить венок на могилу простого француза, отдавшего самое дорогое, что есть у человека, — жизнь в бою за свободу и независимость родины.

Затем Никита Сергеевич поехал через Булонский лес туда, где находится старый форт Мон-Валерий. бывший некогда сильнейшим укреплением системы фортификации Парижа. Это место тоже дорого сердцам французов. Здесь, в помещении форта, в дни гитлеровской оккупации фашисты казнили героев Сопротивления. Здесь погиб легендарный Габриэль Пери.

Чудесный весенний день. Старый холм и его сооружение недро залиты солнцем. Небо точно вымыли и выгладили к приходу советских гостей. Почки на каштановых распускаются под напором весенних соков. В присутствии множества людей Н. С. Хрущев, обнажив голову, возлагает венок. Оркестр играет марш «Слава погибшим на поле чести». Незабываемые мгновения. Почему-то кажется, что где-то тут, в толпе французов, стоит и бессмертный патриот Габриэль Пери...

После возложения венков коротке возвратились в Париж. Снова, как и по дороге в Мон-Валерий, огромные толпы людей тепло приветствовали главу Советского правительства. Парижане в праздничных одеждах дружелюбно улыбаясь, махали красными флажками, скандировали: «Хрущев, Хрущев!»

...В конце мне хочется привести лозунг, висевший на пути торжественного cortege, направившегося к аэродрому Орли в Париж. Простые, написанные на кумачовом доскуе слова: «Привет тебе, Никита Хрущев, ты — друг Франции!»

ПАРИЖ, 23 марта. (По телефону)

НАВСТРЕЧУ СОВРЕМЕННОСТИ

В наше время впереди лежат трудные дела. Эммануэль д'АСТЬЕ, французский писатель и общественный деятель, определенными фигурами становятся как воплощением крупнейших стран мира, его величайших держав, и кажется, от этих людей зависит судьба народов. Словно в рядом, под влиянием курсовых и пропагандистских измышлений, рассказываемых о великих делах сего, забывают о том, кто такие на самом деле эти люди. Однажды я попросил знакомого американца охарактеризовать личность генерала Эйзенхауэра, с которым мне не приходилось встречаться, как например, с де Голлем или Хрущевым. Но американец сказал: «Мне трудно ответить вам. Генерал — самый обыкновенный человек».

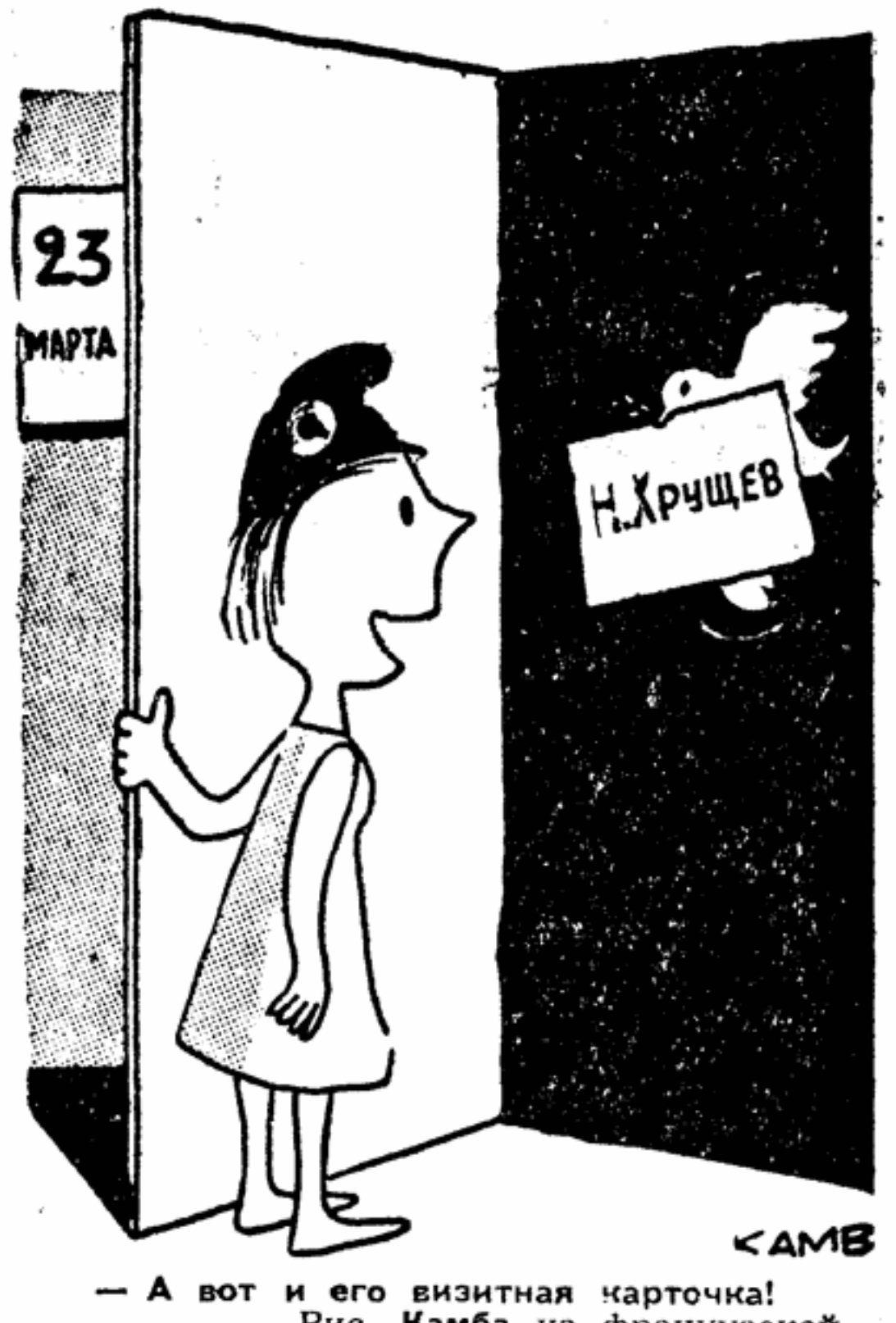
Никита Хрущев, надо полагать, необыкновенный человек. Он всегда устремляется туда, где труднее всего, где дела идут хуже всего, чтобы обусловить создавшееся положение, иногда терпеливо, иногда вольновольно, но с неизменным упорством. Из Вашингтона он перелетает в Дели, а отуда — в Париж с такой же легкостью, с какой он направляется с завода в колхоз. Он не доверяет кабинетным чинам и бюрократам. Его редкая энергия и успешная деятельность показывают, что он поистине необыкновенный человек. Но вместе с тем он выражает стремление и чаяния простых людей. И за это простые люди признают его своим и уважают его. Они умеют ценить то, что руководителем Советского государства говорит о сельском хозяйстве или же о заводских машинах с глубоким знанием дела, точно крестьянин или рабочий.

Сейчас Никита Хрущев встретится с Шарлем де Голлем. Порою кажется, что французы и сам де Голль словно находятся под гипнозом прошлого Франции. О ее былом величии часто рассуждают именно потому, что страшатся настоящего. Вероятно, проще вспомнить о прошлом, чем смело идти навстречу современности, гораздо легче расставать важнейшие горизонтально историческому пути Франции, чем подготавливать будущее, когда испытываешь своего рода комплекс неполноценности перед лицом могучих держав, колоссальных сообществ наций и современной науки.

Французская молодежь считает, что политика, проводившаяся во Франции в течение многих лет, не создала простора для ее кипучей социальной энергии. Поэтому молодые французы, несомненно, будут с пристальным вниманием наблюдать за ходом переговоров между двумя главами правительств. Для этих людей важны не столько

аплодисменты, сколько их результаты. В центре всех предстоящих совещаний будут находиться два вопроса: германский вопрос и проблема разоружения. Главные государства будут говорить о Европе, о старой Европе, в лоне которой в свое время развернулись величайшие войны и сталкивались друг с другом вооруженные люди. Можно надеяться, что в своих беседах они отвергнут идею раскола Европы или создания «малой Европы» в любую ее вариацию, что они станут искать пути к созданию большой Европы, в рамках которой будет осуществляться сотрудничество и обмен опытом между социалистической и капиталистической системами. Сегодня очевидно, что реорганизация Европы не может основываться на ее политической или материальной гегемонии в мире, поскольку международные жизненные центры в наше время существуют также и в Азии, и в Африке, и в Америке.

Французы ждут не красивых слов, не молитв, не пропагандистских заявлений или абстрактных тезисов. Результатом предстоящих переговоров должна быть новая общая перспектива мира и прогресса.

— А вот и его визитная карточка! Рис. Камба из французской газеты «Юманите»

МИР ПРИВЕТСТВУЕТ ОТВАЖНЫХ

Их подвиг — гордость народа

Да, это было большое событие! Оно занимало воображение американцев, восхищенных мужеством и силой духа советских солдат, попавших в столь трагические условия.

Вы теперь знаете из печати, какое множество репортажей, информационных и фотграфий появилось за это время в американской прессе. Там публиковались снимки, особенно запомнились те, где видны лица отважных четверки, лежащие на кушетке, еще не бранные лица, залучившие смертельную усталый взгляд. Предельная слабость в повороте головы одного, в движении руки другого — все говорило о том, через какие нечеловеческие лишения, страдания и муки прошли наши храбрые воины за сорок девять дней.

Делегация советских писателей после месячного пребывания в США возвратилась на днях в Родина. Корреспондент «Литературной газеты» обратился к Степану Чипачеву с просьбой рассказать о том впечатлении, которое произвел на американцев беспримиренный дрейф самоходной барже Т-36.

Мы группа советских писателей, находившихся в те дни в Америке, узнали обо всем из сообщений газет и радио. Первый рассказ нам об этом наш переводчик. Прочитав корреспонденцию в газете, мы с явным удовольствием подчеркнул, что наших ребят спас американский корабль.

Наша поездка была богата интересными встречами с писателями, учеными, журналистами, профессорами, студентами и простыми людьми Америки. Все они с необыкновенной искренностью и человеческим участием говорили о бедствиях, выпавших на долю четверых советских юношей, восхищаясь их высокой отвагой. И все выражали то же чувство, что и наш переводчик, — радовались, что смельчаки сняли с баржи американские моряки и летчики.

Нам повезло, что как раз в дни этого выдающегося события мы находились в США и были свидетелями проявления горячих, дружеских чувств американцев к советским людям. Но вместе с тем нам и не повезло: не удалось повидать наших мужественных земляков — солдат, офицеров, побеседовать с ними, выразить чувство гордости ими. Когда Зиганшин, Федотов, Поцлавский и Крючковский прибыли в Сан-Франциско, мы уже завершили свое путешествие по Америке. Но в последние дни пребывания в Нью-Йорке, перед отъездом на Родина, мы знали от советского представителя в ООН, что наши герои чувствуют себя хорошо и что они рады тому, что возле них — родные советские люди и много американских друзей.

Сэм РАССЕЛ, английский журналист ЛОНДОН, 23 марта. (По телеграфу)

Героизм четырех восхищает

Все английские газеты восхищаются мужеством и дисциплинированностью советских воинов, вышедших победителями из труднейшего испытания.

Два дня назад я зашел в бар неподалеку от дома, в котором живу. Среди сидевших за столом был бывший боцман Фрэнк Галлет. Во время второй мировой войны он трижды терпел бедствие — в корабле, на котором он плавал, попали немеческие торпеды. Прежде чем его спасли, он пролежал в открытой лодке в первый раз четыре, во второй — шесть, а в третий — четырнадцать дней.

«Я снимаю шляпу перед этими советскими солдатами, — сказал Фрэнк Галлет. — Они совершили нечто, что мы, моряки, раньше считали бы совершенно невозможным, так как предполагалось, что мореплаватели, потерявшие кораблекрушение, даже при наличии еды и воды не могут выдержать более трех недель».

Бывший боцман убежден, что все зависит от морального состояния людей.

«Будем откровенны, — продолжал моряк, — для того чтобы пережить такое испытание, люди должны быть уверены друг в друге. Они, к примеру, должны твердо знать, что пока один спит, другой не поспит на порцию еды и воды товарища, даже если сам умирает от голода и жажды. Конечно, эти русские — именно те люди, у которых чрезвычайно развито чувство дисциплинированности и настоящего товарищества».

И все согласились, что четверо советских юношей много могли бы вести себя в аналогичных обстоятельствах. А когда кто-то предложил топать за этих русских хвостов, он был горячо поддержан всеми присутствовавшими.

Сэм РАССЕЛ, английский журналист ЛОНДОН, 23 марта. (По телеграфу)

Н. С. Хрущев в Елисейском дворце вручает Президенту Французской Республики Шарлю де Голлю копию вымпела, доставленного на Луну советской космической ракетой.

(Спичок принят по фототелеграфу)

ТВОЙ ПРАЗДНИК, ДЕТСКАЯ КНИГА!

В НОРИЛЬ С КЕ порой нелегко бывает добывать для библиотеки: slella полярная ночь, ветер мчит со скоростью сорок метров в секунду, мороз доходит до пятидесяти градусов. Но ребята идут в библиотеку за книгами.

Анатолий АЛЕКСИН

И уж тут не предположишь ни что пошло! — говорит норильская библиотечка.

Да, они преодолевают ночь и холод, чтобы прочитать такую книгу, которая источает свет и тепло, которая способна окрылить юное сердце.

— Ну, а какие книги наиболее широким успехом? — спрашиваю я библиотечка.

Мы привыкли классифицировать литературу по темам, — отвечает она. — Это, по моему, скверная привычка. Но уж если следовать ей, могу твердо сказать, что больше всего наших юных читателей волнуют все героические. Только не те книги, в которых умилительно описывается «игра в подвиги» или «игра в труа», а те, что повествуют об истинной отваге, о подлинном бескорыстии и благородстве.

Юные читатели, живущие в Заполярье, видят, как их отцы на лютном морозе и леденящем ветру добывают руду, богатую цветными металлами, воздвигают жилые дома и плавильные печи; школьники сами производят производственную практику в цехах, на стройках, — они знают цену настоящему подвигу и потому сразу отложат в сторону книгу, написанную с обидными скидками на возраст, как бы не в ерзеть, а «понарошкур».

Да и самое представление о героизме и новаторстве у сегодняшних юных читателей уже не то, что было вчера. Фантастические романы, которыми мы упивались в детстве, уже не поражают воображение сегодняшнего школьника, живущего в эпоху искусственных спутников и «всестороннего фотографирования Луны». А инные подвиги следопытов и путешественников, героев приключенческих повестей, которыми мы восхищались прежде, покажутся сегодня всем лишь забавной игрой по сравнению с «веселым грудом» существующим подвигом четырех советских воинов, заставших отступить океанскую стихию.

НАЧИНАЕТСЯ Неделя детской книги, или «книжкина неделя», как в шутку называют ее ребята. На многочисленных читательских конференциях школьники будут настоятельно требовать новых книг, которые были бы на уровне творчества, фантазии и героизма сегодняшнего советского человека.

Много новых тем подсказывают нам эти дни наши дорогие юные читатели. И они, конечно, потребуют, чтобы мы писали и о жизни школы, и о пионерской организации, и даже о тех «двойках» и «пятёрках», которые давно уже отнесены литературной критикой в пределы «запретной зоны». Ведь и о них можно говорить, если только разговор этот обернется проблемами воспитания молодого характера, борьбы за знания, за культуру нового человека. Сколько раз, к примеру, употребляется слово «друзья» и в известной повести Носова Вята Малеве в школе «и дома»? Пожалуй, и не сосчитаешь! А повесть эта тем не менее, и по сей день остается одной из самых любимых, самых озорных детских повестей.

Разных книг будут требовать от нас ребята, и, конечно же, книг веселых, которые содержат в себе драгоценный «витамин смеха». Этот витамин просто необходим молодому организму. А как редок он в детских книжках!

Нечего уж греха таить, на наших творческих обсуждениях вместо известной формулы — хороши все жанры, кроме скучного, — стала все чаще звучать формулировка: «Книга —

Сергей БАРУЗДИН

КТО С КЕМ ДРУЖИТ?

Дружит солнце с небом ясным,
С ветром дружат облака,
И, конечно, не напрасно
Дружит дерево с землейю,
Дружит с солнцем и дождем,
Дружат снег и лед — зимою,
Летом — молния и гром.
Ну, а если листья стая
Начиняют хором,
Это — осень золотая
В крепкой дружбе с урожаем
Рука об руку идет.
Как дорог на свете много!
Не пройдешь по ним пешком!
Дружат колесо с дорогой,
А дорога — с колесом,
Дружат улицы с домами,
В доме дружат этаким,
Дружат ламы с проводами,
По которым ток бежит.
Как слова в стихотворенье,
Дружат люди и динники,
Что приводит в движение
По волшебным механизмам
Человеческую руку.
Все на свете людям служит:
И земля, и солнца свет...
Человек с работой дружит!
Этой дружбы лучше нет!

ОШИБКИ

(ШУТКА)
Человек совершил ошибку.
А пет человеку — восемь...
И папа прячет улыбку,
И мама прячет улыбку.
Стоит человек на дороге.
Стоит человек — страдает.
От боли, от ожидания.
«Все верно! Он тоже знает,
Что нет ему оправдания!»
Человек совершил ошибку,
И сам начинает мучиться.
Люди! Не прячьте улыбки!
Будьте строгим, да не шибко!
Человек на ошибках учится!

полезная, хорошая, хотя... скучная». А ведь специфика детской литературы состоит еще и в том, что ребенок никогда не станет читать книгу, лишенную сюжета и занимательности, какие бы полезные и важные сведения она себе не содержала.

В СЯКИН раз, когда начиналась «книжкина неделя», я вспомнил об одной поучительной истории, случившейся на читательской конференции лет пять назад... Мальчишка-пятиклассник, обожравший пионервожатой («Очень правильно вы с устали», складно и монотонно говорил он книжкам, которые ему «очень понравились», потому что они «имеют большое воспитательное значение».

И вдруг случилось неожиданное: мальчик потерял последние странички своей читательской «Недели», и начал писать записки, в которых он так «правильно», как хотелось бы вожатой, но зато горячо, искренне. И тут оказалось, что вовсе не все книги ему так уж сильно нравятся, что многие произведения ему вовсе не по вкусу, и как раз из числа тех, что, по мнению пионервожатой, должны были иметь «большое воспитательное значение». Вот мне и хочется пожелать, чтобы в дни этой «книжкиной недели» юные читатели выступили без заранее подготовленных шпаргалок, а если такие шпаргалки уже написаны, чтобы ребята потеряли их.

Неделя детской книги стала уже традиционной. Это хорошо. Но традиционные стали и некоторые формы ее проведения, — и это уже гораздо хуже. Одна тульская библиотечка сказала мне:

«Хорошо было бы проводить юбилей лучших детских книг. Нет, не юбилей писателей, а именно книг, тех, что с честью выдержали испытание временем и сегодня пользуются таким спросом у ребят, словно были написаны только вчера... Вот, к примеру, сейчас только выходящая «Книжка такая популярнейшая детская книга, как «Старик Хоттабыч» Л. Лагина. На ее юбилей можно было бы, кстати, вести вполне серьезный разговор о работе писателей в «веселом жанре» и в фантастике, которые так любимы юными читателями!».

Об этом стоит призадуматься и тому Дому, что расположено, как шутят писатели, в самом «литературном» районе Москвы — на улице Горького и недалеко от площади, носящей имя Пушкина и Маяковского. Речь идет о Доме детской книги...

Писатели, приезжающие к нам из-за рубежа, с изумлением, а подчас и с недоверием узнают об огромных тиражах, которыми издается советская детская и юношеская литература. «О, да вы — миллионеры!» — восклицают некоторые из них. Да, многие наши детские писатели — «миллионеры»: книги их издаются миллионными тиражами. Да и по переводам наша детская и юношеская литература занимает едва ли не первое место среди всех литературных жанров.

О чем же еще сказать? Что пожелать сегодня? Пусть друзья юных читателей с хорошей, умной книгой будет так крепко и неразрывно, чтобы каждый день наших писателей и школьников можно было с полным основанием называть «книжкиным днем»!

Для вас, ребята!

Сегодня праздничным утреником в Колонном зале Дома союзов открывается Неделя детской книги. Каждый день в дни школьных каникул ребята будут встречаться со своими любимыми писателями, знакомиться с новыми книжками.

В Колонном зале Дома союзов в дворце культуры и домах пионеров будет устроено свыше 200 литературных вечеров для школьников.

В дни Недели писатели столицы проведут более 140 встреч с детьми — в Ленинград, Ярославле, Пензе, Туле, Горьком, Калуге, Иркуте, Рязани, Владимире, Курске и других городах.

Мастер иллюстрации

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения художника Юрия Алексеевича Васнецова. За тридцать пять лет своей творческой деятельности он создал много прекрасных, глубоко национальных по духу иллюстраций к детским книжкам. Как иллюстрации к книгам для маленьких читателей.

Наша Государственная издательство детской литературы отпразднуло юбилейный привествование, в котором говорится: «Как потуснели бы наши детские книжки, если бы чудесный волшебник Васнецов не распылял их тончайшим, с таким значением того, что нужно маленьким, с таким умением приносить им радость. Талантливые сказки, словеса, английские песни — все это иллюстрирует Васнецов своим национальным искусством, со вкусом, с хорошей выдумкой. Но главное место в Вашем творчестве занимают русские сказки, русские песни, загадки, скороговорки, игры. Огромная, неисчерпаемая сокровищница русского фольклора — Ваша богатейшая сокровищница. Ваши сказки на темы народных сказок и Ваши книжки радуют глаза и сердца миллионов советских людей, приближая их к самому молодому возрасту и истокам русского искусства».

В магазине № 3 Московский открыта выставка-продажа книг французских авторов. На снимке: маленькие посетители рассматривают хорошо иллюстрированную книгу «Мир животных». Фото А. Нязьева

О ДНАЖДЫ

звоним в этот день тысяча девятьсот пятьдесят третьего года на столе у меня звонил телефон. Чей-то глуховатый голос сказал: «Салют, дружище! Бьешь об заклад, что ты не представляешь себе, кто с тобой говорит...»

Догадаться, действительно, было трудно, тем более что одновременно звонили другие телефоны и вокруг шла обычная для вечерних часов редакции суматоха — на стол ложилась сырые отгисы колос «Правды», пачки последних телеграмм из-за границы, кто-то требовал выровнять пятьдесят строк для сообщения о падении очередного правительства в одной из стран...

«Не догадываешься?» — Нет, я никак не мог догадаться. «Ну, хорошо. Железный прораб — это тебе ничего не говорит? Железный прораб! Неужели?.. «Привет тебе, дружище!» И сразу вся суতোлка редакционного кабинета откатилась куда-то далеко-далеко, и перед глазами представило широкое поле за окном Харьков, железные фермы строящихся цехов, дощатые бараки, в одном из которых приоткрыта вездная редакция украинской молодежной газеты, духовой оркестр, играющий ночью под дождем, и молодые парни и девочки, таскающие на носилках щебен и цемент, и плечистый седой человек, командующий среди этого шума и гамы необычайно рискованным полемом какой-то матчи...

С тех пор прошло много лет. Железный прораб? Мельников?.. Он еще в строю? Да нет же, наверное, давно на пенсии! Я слышу хриплый шепот на другом конце телефонного провода — Мельников догадался о причине моего замешательства: «Представь себе — работаю. Да-да, ставил конструкции МГУ на Ленинских горах. Это точечку повыше нашей теплотрассы, что-то у нас на ХТЗ. Помнишь ее?.. В общем все в порядке. Переезжаю дальше, на новую стройку. Не буду тебя оттягивать от работы. Юпа, дружище...»

И прежде чем я успел опомниться, в трубку что-то щелкнуло, раздался гудок, и судьба снова разлучила очеркиста со своим героем. Мне так и не удалось разыскать его — говорил, что он действительно переехал на новую стройку, но адреса никто не знал. И рука невольно потянулась к старым запыленным папкам времен первой пятилетки — там я нашел свой очерк о «Железном прорабе», напечатанный без малого двадцать пять лет назад.

Сейчас многое в нем выглядит нелепо и вычурно. — тогда мы, молодые советские журналисты, писали о самых будничных вещах с небывалым пафосом, приподнимали на цыпочку и старались «остраннить» свои персонажи — был в большом ходу литературный этот мудрый глагол. Но факты, о которых мы повествовали в то время, продолжают жить в истории и с годами не стареют. В них — живая романтика неповторимой эпохи первой пятилетки. Вот почему я позволяю себе воспроизвести здесь старый очерк о «Железном прорабе»...

«Да бронепоезд мчался стремглав... За задрабиненными наглухо окошками броневых вагончиков вахты огулающиеся бесосновной и канонадой матросы коммунисты. Позади осталась взорванный мост. Впереди бродила смерть — там лопали в смучкованных шапках гартельеры на сытых конях, готова динамитные шашки, распеваля «Яблочко» и между делом пытались захватывать вчера в плен коммунисты».

«Два матросских бронепоезда прорывались на север. Под Ново-Косинским путем им преградила взрывы, и мажорский вызвал с маторскими бой. Этот бой оказался для них коловым — матросы не только отбьели приступ бандитов, но и погнали их далеко в степь».

В отсутствие селе Морьян, подобранный окровавленному босо комиссару, которого михайлович не успел добить. В полкадке извращенного рыжего франца они нашли полотноую трыпочку, на которой распаласы флюсыевские буквы — это был партизан, выданный в дни террора окугантов полполным комитетом Российской Коммунистической партии (большевиков) Одессы».

Комиссара повезли на север, чтобы потом отправить в Брянск.

В Брянске босому комиссару выписали ордер на олуч и пару ботинок. Но во всем городе не нашлось ни одной пары обуви, которую этот искалеченный человек мог бы наткнуть на свои распухшие ноги.

Тогда распорядился интендант сняв с запыленной витрины давно закрытого магазина аршинные полуботинки — всемирно известную рекаму фабрики «Скорхода». Раненому матросу олуч выдала простолюну, он обмотал свои опухшие ноги в полотно и с величайшей радостью всунул их в эти аршинные полуботинки, подвязав их телефонным проводом.

В тот же вечер этой большой, неуклюжий с виду человек, потыгыпавшись, побрел по вокзалу, волею на удивительную свою обувю. Из Брянска он выехал в Москву, чтобы оттуда двинуть на Колчанку... Это — предистория.

А история начинается так...
«...Омля!
— Три!
— Одна...
— Три, черт вам на рога!

Спор был долгим и упорным. Лука и Тихонов были знатоками такаежного дела. Но они хотели остаться на спом: ставить в день только одну ферму, а не три, как этого требовал прораб Мельников. Однако тот умел настоять на своем.

Вот почему в этот сумрачный осенний день, когда в воздухе висела густая мгла — не туман, не то дождь, на лесах строящегося ремонтного цеха повисла большая, с виду неуклюжая фигура упрямого прораба. Лука и Тихонов ступшевали.

Так вот и шал дни за днями и ночи за ночами в ту метельную зиму. Фронт работ на стройке кузнечного цеха напоминал военный фронт. Железный прораб в эту пору нередко вспоминал еще одну страничку своей бурной жизни: зима тысяча девятьсот двадцать второго года: атаман Пелеяев ледовым походом через порт Аман, что на Охотском море, ведет банду и Якутску, мечтая поднять там восстание и оттуда броситься на юг, чтобы отрезать Дальний Восток от РСФСР; красной командир Мельников спешит туда добровольцем, под командованием его — интернациональная сотня, составленная из тузгусов, русских и якутов; завязываются жестокие бои; поставлена задача — умереть, но не пропустить банду Пелеяева...

И теперь, восемь лет спустя, седоющий прораб Мельников слышит в выкриках металла, запустевшей в стальных перелетных колонн, гласящее слово друга пулеметчика, который там, по Полярным кругом у стойбища Сасы Сасын, нашел свою смерть; отбиваясь от насыщенных на него белогвардейцев, пулеметчик до последнего мигновения воевал из-за баррикады, саженой из белогвардейцев, так плавились в бою ополочники; быть может он и отбился бы, но нестерпимый полярный холод сковал его верный «максим»; тогда пулеметчик, охваченный страстью боя, прижал губами к сво-

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПРОРАБ

Юрий ЖУКОВ

Внизу, задрвав голову, — сблизился с земляком. Прораб сказал: — Вот так. Вы врач. Сегодня я сам поставлю три фермы. И если вы завтра опять поставите только одну, я оспорю вас на весь Тракторострой Уходите...

Ветером над зданием ремонтного цеха прихвальный три массивные железные фермы. Науто Лука и Тихонов вышли на работу без препирательств. Три фермы в день — эта норма была закреплена. Это сделал прораб Мельников, тот самый человек, который за двенадцать лет до этого брел улицами Брянска в аршинных полуботинках «Скорхода».

Конечно, можно было бы подробно рассказать о том, как установка ферм была закончена за несколько дней до срока. Можно было бы написать и о той чудесной находчивости, которая была проявлена на укладке арматуры при бетонировке колонн механосборного цеха. Можно было бы рассказать о том, как «железный прораб» организовал ударную бригаду из вчерашних лидеров и прогудышников, на которых все махнули рукой, как на безнадельных людей, а они стали героями. Но все это — не главное. Главное пришло тогда, когда началось метель и надо было ставить кузнечный цех.

Отряд Мельникова было дано отчаянно трудное задание. Занесенные снегом строительные площадки были безлюдны. Степные ветры завывали над дощатым бараном, где хранились инструмент и проекты. Кровь застыла в жилах при одной мысли о том, что сейчас надо будет взяться голыми руками за железо.

Ветровых связей не хватало — поставку их задерживал Горюховский завод. Но медлить было нельзя, и потому приходилось отчаянно рисковать: двадцатипятиметровые колонны связывали обычными стальными тросами, чтобы хоть как-нибудь закрепить гигантский костяк завтрашнего цеха.

Огромные колонны жутко скрипели под ударами порывистого ветра, холод щекокали спиной боязливым людям, которым начинало казаться, что они заблудились в фантастическом стальном лесу.

Ученые перестраховщики, вооружившись техническими справочниками, кричали, что «безарматурный матрос» губит цех, что ставить колонны так, как ставят он, невозможно — они рухнут.

Но трусливых людей не послушали. Комсомол двинул на участок Мельникова своих лучшие бригады. Правда, комсомольцы не знали, что такое строп и чем «майна» отягачается от «выры». Но они знали, что здание надо построить в срок, и поэтому стали таксакалирами. Во главе с железным прорабом они поехали в метель, в зиму, в морозы, в штормы. Штормы в ту злую зиму не стихали...

И вот случился однажды суматошный, страшный шторм.

Была ночь. И пурга. Черная пурга, какая была в те годы. Железный прораб в стальном доспехе облебененных колонн раскинул нос большую кору, настала поа из горькой, поставив железную леукуру и жил там. Он засыпал на четыре часа с сутки, когда ноги отказывались ступать и надо было падать от усталости.

Большой человек спал, не раздеваясь. В багряных отсветах раскаленной пурги позабывшая его заиндевавшая шапка. Лука глубоко запала в орбиты, и лоб пересекан морщинами.

— Товарищ Мельников!
— Товарищ Мельников. Люди отказываются работать...
Мельников вскокачал:
— В чем дело?
— Бояться... Шторм крепчает. Быть беде...
— Спокойно! — И, глубоко навалив колючую шапку на свою большую голову, Мельников вскокачал за двери Шторма, действительно, усливавшая. Пржектора, который железный прораб натащил на свой участок со всей стройки, рубил холодными своими лачами сверкающий рож снег. Двадцатипятиметровые колонны со зловещим скрипом раскачивались в ночь. Опутанные дестками тросов, они напоминали матчи гигантского корабля, который ныряет с волны на волну. И где-то наверху стала важная ветровая свая...

Решение родилось в голове мгновенно: надо поднять по подземной стреле на двадцать пять метров, оттуда, цепляясь за трос, спуститься пониже, ухватиться за колонну на высоте четырехэтажного дома, поймайт и закрепить оборванную сваяу. Если этого не сделать, все может рухнуть. Но как забраться туда в атакый шторм? И кто рискнет?

Медлить нельзя. Сорвалась ветровая свая с точностью маятника своими ударами отсчитывал секунды. И вдруг ни с того, ни с сего в памяти оживает ясное, как полено, воспоминание: тысяча восемьсот девяносто восьмой год. «Кираунда», греческий парусник, где подросток Мельников работает юнгой. Хитрое сплетение снастей... Черт побери! Да ведь эта же ветровая свая — ни дать, ни взять настоящая бомбра-рея, а в просторечии моряков торгового флота — баба-фига. А ну-ка, вперед, юнга!.. И в тот же миг железный прораб равнялся высь по перелетаниям подземной стреле...

«Светало. Шторм обессилел в неравной борьбе с упрямыми людьми. Они отогнали его прочь от стройки — в степь, в безвосточность, за горизонт».

Так вот и шал дни за днями и ночи за ночами в ту метельную зиму. Фронт работ на стройке кузнечного цеха напоминал военный фронт. Железный прораб в эту пору нередко вспоминал еще одну страничку своей бурной жизни: зима тысяча девятьсот двадцать второго года: атаман Пелеяев ледовым походом через порт Аман, что на Охотском море, ведет банду и Якутску, мечтая поднять там восстание и оттуда броситься на юг, чтобы отрезать Дальний Восток от РСФСР; красной командир Мельников спешит туда добровольцем, под командованием его — интернациональная сотня, составленная из тузгусов, русских и якутов; завязываются жестокие бои; поставлена задача — умереть, но не пропустить банду Пелеяева...

И теперь, восемь лет спустя, седоющий прораб Мельников слышит в выкриках металла, запустевшей в стальных перелетных колонн, гласящее слово друга пулеметчика, который там, по Полярным кругом у стойбища Сасы Сасын, нашел свою смерть; отбиваясь от насыщенных на него белогвардейцев, пулеметчик до последнего мигновения воевал из-за баррикады, саженой из белогвардейцев, так плавились в бою ополочники; быть может он и отбился бы, но нестерпимый полярный холод сковал его верный «максим»; тогда пулеметчик, охваченный страстью боя, прижал губами к сво-

ему оружие, чтобы согреть его своим последним дыханием. Когда красноварейцы перешли в контратаку, отбили баррикаду, они назвали заспанного пулемета. Его нельзя было отогреть от «максима», и их так и похоронилим вдвоем, вырубив топорами могилу в промерзшей тундре...

Пневматические молотки на стройке кузнечного цеха продолжали оратьный клеток замерзшего в тундре пулемета. Ставшие знаменитыми на всю страну бригады Колокольцева, Мисягина и Марусина продолжали кааду бетона. Тогда еще не умели вести бетонные работы без тепляков. Требовался подогрев, а пара не хватало. Бетон замерзал, а бетошники, спасая свое дитие, бросались в критические минуты на него, стремясь отогреть застывшую массу своим человеческим теплом...

Так шал меседы, тяжело и уверенно ступая в своих аршинных скороходовских сапогах.

«Удивительный «ледниковый период» отгресал штормами и штормами. Теперь на строительной площадке в Тракторострое нет больше пустотелых стальных костяк кузнечного цеха уже одет в кирпич. В сборочном цехе закреплен последний фонарь. В литейном установлена последняя колонна. Надо думать уже о другом: о пуске завода, о первом тракторе, и сегодня часто выбирают, хорошо одетый Мельников, походящий на профессора, справляет свой первый выходной день».

Он в хорошем настроении. Но ему все время чего-то не хватает — он не привык ходить без дая и не знает, что полагается делать в выходной день. Поэтому он заходит в гости в постройку, в комсомольский комитет, в редакцию газеты «Темь», всех приветствует и немного мешает людям работать. Когда Мельников, пригнувшись, входит в дверь, невольно кажется, что в комнате повисает железный экскаватор. Внезапно он становится серьезным. Нахмурившись, Мельников на мгновение останавливает и продвигает какие-то странное маятниковоли огромное карданное устройство — тонкие карданы Мельников не узнает, они мгновенно ломаются у него в руках. Потом сразу он грохочет, что в Америке — он вчитался! — во время проектирования больших строек в смету заранее включают на каждый миллион капиталовложений определенную сумму расходов на погорюх жертв от несчастных случаев. И, ты-ка палецем в свои расчеты, он с воодушевлением говорит, что Америка ему не пример, что у него за все время не упал с лесов ни один протектор и что он еще утратит нос отям американизма на все сто процентов...

Почему же у железного прораба сегодня выходной день?

Очень просто: вчера он забил последнюю закладку в фермы нового тракторного завода, а завтра уезжает в Донбасс, на новую строительную площадку, чтобы там, в степи, где веет суровые донские ветры, поднять стальные каркасы гигантских цехов нового машиностроительного завода.

Завтра он снова на целый год забудет о выходном дая и поахнет немодной своей новой кожей и чудесную ветровую шапку, чтобы сменить их старой кожаной и колючую шапку, в которой он обжидывал метал, поднимал мостовые фермы, спал, не раздеваясь, в самодельной юрте и организовывал мировые рекорды.

Завтра Мельников едет в Донбасс. Стаханового пути, железный прораб! ХАРЬКОВ, апрель 1931 года.

Я уверен, что многие из того, что написано здесь, вызовет удивление, а быть может, и усмешку у молодого советского строителя, если эти строки попадут ему на глаза. Это методы, которыми в тридцатых годах мы строили свои первые заводы, покажутся ему ужасно старомодными. В век сборочного бетона и мощных подъемных кранов, в век механизации и стандартных конструкций то, что было подвигом четверть века тому назад, решается как простая арифметическая задача.

Но тем важнее, мне кажется, напомнить молодому поколению конца пятидесятых и начала шестидесятых годов о том, какой ценой давались их отцы те поразительные темпы, с помощью которых первая пятилетка была выполнена в четыре года...

Мне очень хотелось еще раз встретиться с железным прорабом, чтобы подробно расспросить его о том, как сложилась его дальнейшая карьера строителя. На стройке университета ему, конечно, уже не требовалось разбивать торос посреди стальных колонн и самому карабкаться в дугу по стальным тросам, спасая конструкцию, — изменились времена, изменились методы строительства, романтика шторма уступила место холодному инженерному расчету. Но душа, темперамент советских строителей остались те же, и это одухотворяет их творчество.

Где же ты, Мельников? Как найти тебя? Я часто толкаю себе голову над этим вопросом. И вдруг герой моего старого очерка снова сам дал знать о себе. Шесть лет спустя после неожиданного телефонного звонка, который так взволновал меня, в кабинет ко мне вошла растерянная секретарша и сказала: «Там какой-то человек с чемоданом... Как-то странно говорит: доложите, что приехал, — как это он выразился?.. Да — железный прораб...»

Я пугель вылетел из-за стола. Дверь открылась, и передо мною предстал он самый — железный прораб, Дмитрий Афанасьевич Мельников. Годы удивительно поощадили его. И хотя ему теперь никак не могло быть менее семидесяти лет, он держался молодцом — стройный, широкоплечий, с густой белоснежной копной отбросившихся назад волос. В его ясных глазах, как и прежде, с огромным и жалким любопытством глядящих на мир, сверкали какие-то мальчишечьи искорки. И опять, как двадцать восемь лет тому назад, когда мы виделись с ним в последний раз, возникло ощущение, что в комнате повисил железный экскаватор, — он все запозвал собою, текущие дела были отодвинуты на задний план, телефоны сразу же отключились, на мой стол лег ладно сколоченный чемоданчик, откинулись крышки, и я замер — передо мной лежала целая гора беремо сохраненных железным прорабом бумаг и фотографий, от которых повело ароматом далесной юности, несравненно поры штормовых ночей первой пятилетки.

Мельников уже грохочет:
— Так сколько же мы не виделись? Без малого тридцать лет... Да-да, тридцать лет! Это же немалое время, кукна его задержат. А помню — ты тогда совсем молодым комсомольцем был, в комитете комсомода мы разговаривали. Вот твой «Удар», только помаясь в бою ополочники; быть может он и отбился бы, но нестерпимый полярный холод сковал его верный «максим»; тогда пулеметчик, охваченный страстью боя, прижал губами к сво-

Мельников уже грохочет:
— Так сколько же мы не виделись? Без малого тридцать лет... Да-да, тридцать лет! Это же немалое время, кукна его задержат. А помню — ты тогда совсем молодым комсомольцем был, в комитете комсомода мы разговаривали. Вот твой «Удар», только помаясь в бою ополочники; быть может он и отбился бы, но нестерпимый полярный холод сковал его верный «максим»; тогда пулеметчик, охваченный страстью боя, прижал губами к сво-

Д. А. Мельников

кладывал и некогда было. А теперь вот вышел в отставку — самое время заняться россскими старым друзьями... И я не веря своим глазам, взгляды красной ветхи, отпечатанные плохой красной литейной — плод наших бесонных штормовых комсомольских ночей!

«60 дней отсталось до окончания завода. Не ослаблять темпов! Монтировка железных конструкций под руководством железного прораба тов. Мельникова вышполнил свой встречный план: монтаж формовой закончен к 1 Мая, на 11 дней раньше срока».

Вспоминается, как печаталась вот эта самая листовка: первомайскую демонстрацию открывала колонна строителей литейного цеха, получившая это почетное право потому, что артельный план ими был выполнен на 119 процентов. И мы, погрузив свою ветрую ручную печатную машину на грузовик, ехали с нею в составе колонны, на ходу печатали вот эту листовку и разбрасывали ее с машины; пусть все знают, чем отличились строители... Железный прораб дружески хлопнул меня по плечу, так, что я пошатнулся, — он так и не научился соразмерять силу своих жестов, — и тут же смущенно извинился:

— Ты же знаешь, что я не парочку лет, поминать, когда я пришел на фронт, — а это была целая история, ведь меня не хотели брать по старости возраст! — подошел к генералу, рапортовал по всей форме. А он мне — руку: «Здравствуй, дед-мороз». Тут я ему пальцы маленько прижал. Он руку вырвал, трясет: «Ты же жид, черт, бордом был?» Я — ни жив, ни мерть, смеяко, что сказать. И выкрутился: «Точно, товарищ генерал. Вся жизнь был бордом за дело партии». Он засмеялся, и я рад, а то у меня уже по коже холодок пошел; ну, как откажется взять на фронт? Взглян...

Только тут я замечаю, что на груди у моего гостя два ряда орденских ленточек. И долго он воевал? От Москвы до сердца Германии... Когда люди встречаются после тридцатилетней разлуки, первый разговор неизбежно идет сумбурно, хочется рассказать и о том, и о другом — не сразу вспомнить, что важнее.

Заговорили о строительстве Харьковского тракторного завода, вспомнили об Одессе, откуда Мельников приехал в Харьков. И вот уже он роется в чемодане и достает тетрадь: — Вот я описал мое непосредственное участие в Октябрьской революции. Это материал такой, который никто не может повторить, потому что тех, кто там был со мной, уже нет в живых. У меня теперь свободного времени много, квартира хорошая, все есть, пенсию получаю приличную, не пью, не курю. Вот и сижу над бумагой, вспоминаю все как было, может быть, нашим внукам пригодится

СТАТЬЯ К. Чуковского «Народное издание» («Литературная газета» от 23.11.1959 г.)...

ПОЛЕМИКА

Автор статьи пишет, что вот уже десятки лет «общедоступные, массовые» издания классиков строятся у нас неправильно...

Общие принципы формирования собрания сочинений имеют прямое отношение и к Чехову...

Таким образом, творчество писателя как бы делится на две неравные части, причем важнейшая формируется самим писателем...

Во-вторых, не привождая доказательств, К. Чуковский пишет: «Чехов не только отобрал и проредактировал свои ранние вещи...»

Конечно, учитывать волю автора мы обязаны. И это прежде всего относится к выбору текстов. Так, в собраниях сочинений все произведения должны даваться в последней авторской редакции...

В-третьих, писатель не оставлял мысли о более полном издании в будущем. «Есть свидетели, при которых Ант[он] Павл[ович]...»

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

На Востоке любят метафоры... Мы беседуем с узбекскими литераторами о делах писательских. Речь, естественно, заходит и о литературном журнале «Шарк юдузи»...

НИ ЗЕРКАЛО, НИ МАГНИТ

беджан, Шухрат и многие другие литераторы на наш вопрос корреспондентов о творческих планах отвечали: «пишу...», «жду по республике сейчас пишу...»

Серьезную ошибку допустила молодая, несомненно способная писательница, чей удачный дебют в литературе был несколько лет назад тепло встречен читателями...

демок, «отканок», написанных сухим, невыразительным языком. «Работа закончена в зевне Ишохон-ата...

Обычно наша газета для разговора о каком-либо журнале выбирает в наш иную тему, не задаваясь целью рассмотреть все его отдели, жанры, рубрики...

Что же можно отнести в актив журнала за срок, примерно равный году? Поистине И. Рахима «Огнеро», баллады Х. Гуляма, стихи для детей К. Мухаммад...

Как интересно живет сегодня республика! Ускоренными темпами продолжается строительство бухарского газопровода, освоение новых массивов Голландской степи...

Беседуем с сотрудниками журнала. Скалдывается впечатление, что, признавая слабость своей работы («да, у нас слаб очерк, рассказы грешат промахом, хромает и редактор»), они не проявляют должной настойчивости, находчивости, энергии, чтобы исправить положение...

Сегодня в нашем обсуждении выступает Александр ШТЕНН. Следующее слово будет предоставлено Ю. ЗУБКОВУ.

Бытовое оно относится — и в большой степени. Ставя пьесу Иосифа Штока «Якорная площадь» в Ленинградском театре имени Ленинского комсомола...

Л. С. Вивьен, главный режиссер Ленинградского театра имени Пушкина, говорил мне недавно, что после Арбузова личность театра «заприходовала»...

Как говорят на Украине: «А хіба ж уми не гірше!» Так, во имя моды, на радость ретроградкам, натуралистам, фотографам...

И вот почему настало время громко, во весь голос сказать: новаторство в нашей драматургии — это прежде всего новаторство мысли...

Кстати, подобными архицерезиями раздражены как раз режиссеры, несущие новое в театр. — Николай Охлопков, Георгий Товстоногов, Валентин Плутчик...

Но... Нет, это «но» отнюдь не относится ни к Охлопкову, ни к Арбузову, ни к Югоуту, ни, тем паче, к Юлии Борисовой. А вот, скажем, к Ролану...

На выставке французской живописи в Москве. Фото А. Князева

«Коренное и важное!» Вот о чем надо нам думать в первую очередь, ибо «коренное и важное» — это жизнь страны, мира, это наше настоящее и будущее...

Мне кажется, что в драматургии положение некой степени напоминает картину Саврасова «Грачи прилетели». Чувствуются во всем дриматы весны, но еще неприоткрыты голы ветви деревьев...

Недавно весьма уважаемый кинорежиссер Михаил Ильич Ромм со страниц «Искусства кино» объявил конец театру. Ничто не ново под луною...

А иной раз мы дурно написанные, как говорится, «маловысокохудожественные» пьесы возносим до небес за их доблестные намерения, до хрипоты кричим «ура»...

В драматургии нашей мало разных почерков. Правда, я не очень разбираюсь в том, почему надо, как это делают, к примеру, В. Плутчик...

Нет, непохожи они, как непохожи Корнейчук и Погодин, Софронов и Черулин, Сальвинский и Алешин, и это мое случайное противопоставление имен столь же произвольно, как произвольны обобщения, подобные вышеупомянутым...

Между прочим, публицистическая пьеса тоже никогда не являлась монополей того или иного направления, а тем более того или иного драматурга. Вспомним Афиногенова. Его «Машенька» — камерная, психологическая пьеса...

Да, в этом сезоне мы мало видим таких дуглей. Есть психологические драмы — и это хорошо, есть комедии — и это тоже приятно, но мало пьес, по-настоящему берущих темы мира и войны, капитализма и социализма...

Как! — воскликнете вы. А драматургия Назима Хикмета? Ведь Назим Хикмет — это боец в драматургии, его пьесы остроактуальны, действенны...

Но вот я прочитал пьесу Хикмета «Два упряма», поставленную в этом сезоне, — и огорчился. Очень огорчился. Пьеса «Два упряма» принадлежит двум авторам — Хикмету и Вере Туляковой. В этой пьесе есть и внутренние монологии героев, и подчеркнутая общность условного приема...

«Коренное и важное!» Вот о чем надо нам думать в первую очередь, ибо «коренное и важное» — это жизнь страны, мира, это наше настоящее и будущее...

«Коренное и важное!» Вот о чем надо нам думать в первую очередь, ибо «коренное и важное» — это жизнь страны, мира, это наше настоящее и будущее...

«Коренное и важное!» Вот о чем надо нам думать в первую очередь, ибо «коренное и важное» — это жизнь страны, мира, это наше настоящее и будущее...

цы, полный скепсиса к нашему образу жизни, другой — человек нового мира. Пораженный инфантизм, он сохраняет волю к жизни, он утверждает новое, растущее, развивающееся.

Эта вторая линия — вспыхивающая внезапно любовь пожилого человека (того самого, пораженного болезнью) к молодой девушке, в которую, в свою очередь, влюблен некий молодой человек.

Эта вторая линия — вспыхивающая внезапно любовь пожилого человека (того самого, пораженного болезнью) к молодой девушке, в которую, в свою очередь, влюблен некий молодой человек.

Эта вторая линия — вспыхивающая внезапно любовь пожилого человека (того самого, пораженного болезнью) к молодой девушке, в которую, в свою очередь, влюблен некий молодой человек.

Эта вторая линия — вспыхивающая внезапно любовь пожилого человека (того самого, пораженного болезнью) к молодой девушке, в которую, в свою очередь, влюблен некий молодой человек.

Эта вторая линия — вспыхивающая внезапно любовь пожилого человека (того самого, пораженного болезнью) к молодой девушке, в которую, в свою очередь, влюблен некий молодой человек.

Эта вторая линия — вспыхивающая внезапно любовь пожилого человека (того самого, пораженного болезнью) к молодой девушке, в которую, в свою очередь, влюблен некий молодой человек.

Эта вторая линия — вспыхивающая внезапно любовь пожилого человека (того самого, пораженного болезнью) к молодой девушке, в которую, в свою очередь, влюблен некий молодой человек.

Эта вторая линия — вспыхивающая внезапно любовь пожилого человека (того самого, пораженного болезнью) к молодой девушке, в которую, в свою очередь, влюблен некий молодой человек.

Эта вторая линия — вспыхивающая внезапно любовь пожилого человека (того самого, пораженного болезнью) к молодой девушке, в которую, в свою очередь, влюблен некий молодой человек.

Эта вторая линия — вспыхивающая внезапно любовь пожилого человека (того самого, пораженного болезнью) к молодой девушке, в которую, в свою очередь, влюблен некий молодой человек.

Эта вторая линия — вспыхивающая внезапно любовь пожилого человека (того самого, пораженного болезнью) к молодой девушке, в которую, в свою очередь, влюблен некий молодой человек.

Эта вторая линия — вспыхивающая внезапно любовь пожилого человека (того самого, пораженного болезнью) к молодой девушке, в которую, в свою очередь, влюблен некий молодой человек.

Эта вторая линия — вспыхивающая внезапно любовь пожилого человека (того самого, пораженного болезнью) к молодой девушке, в которую, в свою очередь, влюблен некий молодой человек.

Эта вторая линия — вспыхивающая внезапно любовь пожилого человека (того самого, пораженного болезнью) к молодой девушке, в которую, в свою очередь, влюблен некий молодой человек.

ПРИЗД ИСПАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ

В Москву по приглашению Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами прибыл известный испанский писатель Блас Отеро. Он проводит в Советском Союзе две недели, ознакомится с жизнью советского народа, с деятельностью наших писателей.

КОЛОНИАЛИЗМ ОБРЕЧЕН

Вглядитесь в снимок справа. Он взят из французской газеты «Юманите-де-манш». Что напоминает вам это изображение и самоотверженно работающих людей? Каковы-нибудь народную стройку в Китае — не правда ли? Но перед нами не Китай. Это — Африка. Люди с мотыгами — граждане молодой Гвинейской республики. Гвинейцы строят дорогу. Они знают, что строительство для себя, и потому работают с большим подъемом.

Итак не в одной Гвинее. Так повсюду, где народ — хозяин своей судьбы. Но независимости и свободе еще не стали достоянием всей Африки. На другом снимке (внизу) запечатлена тоже типичная картина из жизни современной Африки. Белые расисты, управляющие Южно-Африканским Союзом, избрала множество дискриминационных законов, дабы держать в узде африканцев. Этот африканец, поверженный на землю дубинкой полицейского, «нарушил» один из расистских запретов.

Правительство Фервуда расправляется с африканским населением не только с помощью полицейских дубинок. «Непокорных» расстреливают из винтовок и автоматов; против них пускают в ход даже броневик и реактивные самолеты. Не далее как 21 марта в нескольких районах Южно-Африканского Союза было убито кровавое побоище, заставившее содрогнуться все человечество. По участникам мирных демонстраций африканцев, выступивших в защиту своего гражданского достоинства, полиция открыла огонь. Убито 170 и ранено 400 человек.

Зверства фашиствующих расов не останутся в истории. Колониальная система обречена. Веравшие в вечную империализма одна за другой обретают независимость. После поражения колониализма в Азии пламя национально-освободительной борьбы перекинулось в Африку. Ныне уже свыше трети населения черного континента вырвалось из неволеи чужих цепей. Однако и сегодня еще сотни миллионов людей в

Африке и Азии страдают от последствий колониализма. Отсталость экономики, нищета, безработица, болезни, неграмотность — все это уродливые плоды хозяйничанья колониализаторов. Импералистические «оборотни» принимают самые различные обличья в расчете обмануть народы и сохранить над ними прежнее право в новых формах, подорвать афро-азиатскую солидарность.

Но уроки национально-освободительной борьбы не прошли даром для народов Азии и Африки даром. Они поняли, что против единого фронта империалистов нужно действовать тоже единым фронтом. Солидарность, единство — это могучее оружие в борьбе за достижение общих целей и задач народов двух континентов. К ним пришла политическая зрелость. Об этом убедительно говорит их активное участие в решении таких животрепещущих проблем, как разоружение, запрещение ядерного оружия, ликвидация «холодной войны».

Завтра миролюбивое человечество отмечает День афро-азиатской солидарности. Советские люди горячо поддерживают борьбу азиатских и африканских народов против колониализма, за свободу и независимость.

Рассказы о Франции

На столе — подставка с двумя флажками: красным — советским, и трехцветным — французским... «Вечер коротких рассказов о Франции» было начато в приглашенных библиотеках, расосланных читателям Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы.

Зал лекторской библиотеки наполнили студенты, художники, переводчики, научные работники — люди, интересующиеся французской литературой, музыкой, живописью...

Много новых впечатлений принесла мне поездка во Францию в группе советских туристов. — начала беседу писательница Агния Барто. Она сравнила Париж 1937 года, в котором ей довелось тогда побывать, и сегодняшний Париж и парижан, ослабленных общекультурными судбами. С юмором рассказывает писательница об увлечениях французов, вечерами гуляющих по Бульвару, а утром экономно покупаящих на базаре картофель... О своей дружбе и переписке с французскими мальчишками...

Интересное путешествие по Лазурному Берегу совершил киносценарист Лев Кудряков весной 1959 года. Он с большой теплотой говорит о простых людях Франции, об их живом интересе к Советскому Союзу... Долго не смеялась аплодисменты, когда писательница Валентина Динкин рассказывает о том, как один из рабочих вынул из ящика на базаре картофель...

В переписках между выступившими звучит музыка Дебюсси, Гуно, Франка. После концерта А. Смירнов и М. Евстихьева, члены киносюжета Дома ученых Ака. деми наук СССР, показали любительский фильм «Париж».

«Только безрассудство Запада...»

Если новое предложение Советского Союза, внесенное на совещании трех держав в Женеве, будет отвергнуто, то станет ясно, что только безрассудство Запада мешает запрещению испытания атомного и водородного оружия. Это слова английской буржуазной газеты «Бирмингем пост», и они прекрасно выражают отношение международной общественности ко всей сложной и, казалось бы, непонятной для специалистов истории семнадцатимесячных переговоров.

Действительно, теперь можно с уверенностью сказать: противники прекращения испытаний, столь опасных для человечества, не уйти от ответственности. Никакие дипломатические увертки, никакие псевдонаучные рассуждения о «неопределимости» какой-то категории взрывов не в состоянии скрыть от народов всех стран, что именно и почему не желает забывать мир от новых угроз.

Существование нового советского предложения от 19 марта, имеющего по характеристике ведущих американских газет, «грозную убедительную силу», предельно ясно. Его суть такова:

Надо заключить договор о прекращении всех испытаний ядерного оружия в атмосфере, в океанах, в космическом пространстве и всех подземных испытаний, которые вызывают сейсмические колебания с магнитудой 4,75 условных единиц и более.

Что касается неопознанных подземных явлений, вызывающих сейсмические колебания с

магнитудой менее 4,75 условных единиц, которые, как утверждают США, якобы не поддаются контролю, то Советское правительство готово согласиться с предложением США о проведении программы совместных исследований и экспериментов Советским Союзом, США и Великобританией, имея в виду, что все участники договора одновременно берут на себя обязательство не осуществлять в течение этого периода каких-либо испытаний ядерного оружия, вызывающих сейсмические колебания с магнитудой 4,75 условных единиц или более.

Нетрудно понять, что это — уступка Советского Союза западным державам, согласившимся, наконец, запретить все испытания... за исключением подземных с низкой магнитудой сейсмических колебаний. Так и характеризует этот акт Советского правительства вся мировая пресса. И в то же время, замечает, например, японская газета «Майнити», новое советское предложение «можно охарактеризовать как принятие предложения Соединенных Штатов на определенных условиях».

Условия простые: испытания прекращаются навсегда, на веки веков! Прекращаются — хотя и в ином порядке, без соответствующего контроля (поскольку американские специалисты считают, что контролировать их невозможно) — и любые другие, именно «малые» подземные испытания.

Отброшено последнее препятствие: надуманное или вполне серьезное «копание», до какой-то вид испытаний не обнаруживается. Давайте, говорит Советский Союз, согласимся и с этим, хотя и неубедительным доводом. Но этот «научный» довод все равно не дает оснований разрешать такие трудно обнаруживаемые испытания. Откажемся и от них. Откажемся громко, официально — под честное обязательство трех держав,

Леон Гаррос ищет друга

ЭТО была безрассудная отвага. Если даже и удастся добывать до желательных березок, чудом уцелевших тоненьких деревьев на обгоревшем крутом склоне, скрывать в этом медколосье, — все равно их выловят. Каждый знал, что ожидает его за побег. И все-таки люди бежали. Что ни день отсюда бежали военнопленные.

Здесь вымрут все, — сказал однажды на линейке начальник лагеря и приказал перевести свою речь на пять языков. — Все, за исключением нас и собак. Запомните, бежать отсюда можно, но убежать нельзя.

Леон Гаррос и Борис Ваганов — два друга, два солдата: француз и русский бежали «на рынок». Это самый неожиданный, смелый и отчаянный вид побега — все работает, и вы в том числе, а конвой стережет вас. Мгновенная реакция стражи, обнюхивание следа откормленными собаками, общая тревога, беспорядочная стрельба. И все напрасно — ищут и преследуются каждый раз возвращались ни с чем. Леон и Борис исчезли, растаяли.

Об этом, очень давней истории вспомнил много лет спустя известный радиодиктор Леон Гаррос. Друзья провожали его 14 июля прошлого года в далекий путь — он ехал в Москву. Парижский журналист отправлялся в Советский Союз на легковой машине. Автотуристов было трое: механик одного из заводов Парижа Фернан Терри, фоторепортер Грегуйер Лефевр и Леон Гаррос.

— А знаете, — сказал он своим спутникам, когда машина «Симка» медленно пробирается по праздничному вечернему Парижу — в этот день народ Франции отмечал падение Бастилии, — у меня сохранился адрес Бориса Ваганова, Я обязательно разыщу его.

Француз сдержал слово. Нашел в Москве прежнюю квартиру Ваганова, но... не нашел Бориса.

— Кто вы? — спросил иностранца бывший сосед Ваганова.

— Я друг, очень давний друг, и не могу уехать из России, не повидев Бориса.

Адрес строителя плотин, бригадира монтажников, бывшего солдата Бориса Ваганова часто менялся за эти годы. Леон Гаррос добыл его последний адрес — Сталинград. Автотурист из Франции приехал в город, о котором знают все люди земли, но и здесь не нашел Ваганова.

В новый путь, легковая машина «Симка» Борис Ваганов в Братске — он строит самую большую электростанцию в мире.

— Вчера мы возвратились оттуда; в Братске, наконец, друзья нашли друга друга. Встреча Бориса Ваганова и Леона Гарроса после шестнадцатилетней разлуки произошла, как в удивительной сказке, — на стройке плотин.

Эту новость нам сообщили вчера Марсель Пальеро и Мадлен Вилло, которыми мы встретились на кинистуди имени Горького.

— А где же Леон Гаррос, — спросил мы французских, которые восторженно рассказывали о Братске, где они провели две недели в сибирской тайге.

— Вы хотите сказать Леон Зитрон, — поправил меня мой собеседник. — Ведь в жизни и в фильме у наше го друга совпадает только имя, но не фамилия. Все, что мы вам рассказали о новом фильме, — это сама жизнь. И ее мы приехали снимать в Россию. Нашу будущую картину мы решили назвать вначале «20 тысяч лет до земли» — по советской, естественно, — и эту надпись вы читаете на наших автомашинах прибывших из Парижа. Другое название

не на табличке, прикрепленной к двери комнаты съёмочной группы. Под советским и французским флагами написано: «А l'est quoi de nouveau» — «Что нового на Востоке».

— Двадцать тысяч лет, новости с Востока, — все это верно. Мы будем ехать много, очень много снимать, долго путешествовать по СССР, побываем в городах и селах, и на берегу Азовского моря, и в колхозе на Дону, покажем наших французских и ваших русских актеров — героев фильма в разных концах страны; у летней Волги и в зимней тайге. На спидометре будет не меньше 20 тысяч километров, а новостей больше, чем предполагалось. Фильм, видно, назовем все же «Леон Гаррос ищет друга».

Я вижу, вам не терпится, вы хотите увидеть его. Но у нашего главного героя удивительная профессия. Нет, он не актер и снимается впервые в своей жизни. Леон Гаррос на экране, а Леон Зитрон в жизни — один из самых известных и популярных комментаторов французского телевидения. Как видите, он играет почти самого себя. Сегодня он уже в Париже. Из сибирской тайги он срочно улетел во Францию, но скоро вернется в Москву. К приезду Никиты Сергеевича Хрущева Зитрон выпустил книгу — это теперь новинка Парижа — «Я вам рассказываю об СССР». Есть в этой книге такие строки:

«Будущее мира не требует, чтобы все французы, итальянцы, англичане, бельгийцы приняли советский образ жизни или наоборот. Будущее мира заключается в том, что называют мирным сосуществованием».

— Это сосуществование уже помогло нам приступить к созданию второго совместного франко-советского фильма, — говорит Марк Маррет — директор французской киностудии. «В составе этой группы Жан Гаван — в фильме он играет фоторепортера — Грегуйера Лефевра (советским зрителем этот актер хорошо знаком по двум картинам — «Если ярик всего мира» и «Их было пятеро»); Жан Рошфор, занимающийся в кино впервые роль механика Фернана Терри; инженер группы Жак Жерро, режиссер и его ассистент Марсель Пальеро и Мадлен Вилло, и Мишель Курно — соавтор С. Михайлова, С. Клебанова и М. Пальеро по сценарию. В группе советских актеров — Татьяна Самойлова, играющая роль эстрадной певицы, Юрий Белов — переводчик, Евгений Бурунов — Борис Ваганов, Людмила Марченко — лифтерша Маша, и другие. Операторы фильма Г. Гарбарян и Рапопорт. Совместно с Марселем Пальеро, осуществляющим постановку картины, работает режиссер студии имени Горького И. Магистов.

А. ЛАЗЕВИКОВ

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

НОВЫЕ ИНТЕРЕСНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В МОСКВЕ в течение нескольких дней находился вместе со своим коллегой, парижским импресарио Ломброзо, директор Парижского артистического и театрального агентства Жорж Сориа. Каждый визит в Москву Жоржа Сориа и Ломброзо — это новые гастроли советских артистов во Франции и новые выступления их французских коллег в нашей стране.

— Я могу сообщить много приятного, — рассказывает Ж. Сориа. — В парижском театре «Шапель» состоялось выступление скрипача Леонида Когана и композитора Арама Хачатуряна. 24 марта в Париже начат гастролировать ваш Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии.

— Что вы можете сказать о перспективах на будущее?

— Достигнута договоренность о гастролях в октябре симфонического оркестра Ленинградского государственного филармонии под управлением Е. Мравинского, советского цирка в Париже, Лионе и Ницце в октябре — ноябре этого года, о концертах и выступлениях в Парижской опере певца Г. Вишневского и В. Фирсовой, а также певца Ивана Петрова. Особый интерес представляет предстоящая постановка советским балетмейстером В. Бурмейстером балета «Лебединое озеро» на сцене «Гранд Опера».

— Что вы скажете о выступлениях французских артистов в СССР?

— Эта программа тоже достаточно разнообразна. В ближайшее время в Москве будет выступать один из лучших кватернов Франции и, могу смело сказать, в мире — кватерн Паррени. В апреле в балете «Низель» на сцене Большого театра выступят уже известные здесь танторы Л. Дейде и М. Рено.

20 мая на сцене Московского театра имени Евг. Вахтангова начнутся гастроли парижского театра «Вьё Коломбье» («Старая голубятня»), который покажет в вашей столице две пьесы современного французского репертуара: «Троюмская война не будет» Жана Жиролу и «Навронор» Жана Ануя. Вместе с группой этого театра предельно одна из лучших современных актрис Франции Сюзиана Флон.

Советские зрители и слушатели познакомятся с новой для них певицей Ритой Горр, которая выступит в Большом театре в опере «Анда» Верди. В октябре на сцене того же театра будут выступать танцовщицы Иветт Шовиере и Д. Аларгов.

В ответ на гастроли советского цирка во Франции в Москве и Ленинграде будет выступать французский цирк в составе 50 артистов самых различных жанров.

— Что вы можете еще сказать?

— Еще очень много. Но я ограничусь тем, что сказано, ибо относительно других гастролей мы еще будем вести переговоры. Безусловно одно: наше культурное сотрудничество вступило в новую фазу. Культурный обмен между нашими странами за последние годы неизменно шел вверх. В этом году он получил новый толчок благодаря поездке Н. С. Хрущева во Францию. Эта поездка, безусловно, откроет новые богатые перспективы.

А. ВРАГИНСКИЙ

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПРОРАБ

(Юношине. Начало на 2-й стр.)

парусник. Так я и пошел по матросской линии. Исполнилось двенадцать лет, — мать паспорт для меня хлопотала, можно и на заграничные линии... Дело молодое, приучили меня матросы пить. Вот я и отстал от своего судна в Галаце и пошел в тюрьму на пятнадцать суток. А там в камере русские, потемкины. Восполнились: что такое, почему мальчишка погибает? Пока мое дело разбирали, они мне политграмоту и прочитали. В стыд водала — деваться некуда! С тех пор я и пить бросил. Обо всем не рассказав, что было потом, только встреча с потемкинцами — это поворотная точка в моей жизни. Сам я неграмотный был. Как же я делал? Возил из-за границы неграмотную литературу и давал ее грамотному другу. Он читает, а я и другие танце же лопухи, как я, сидим и слушаем...

Я четырнадцать лет плавал, раз двадцать Гибралтар проходил, плавало наше судно на линии Санкт-Петербург — Одесса, потом Одесса — Александрия. И везде в заграничных портах были у наших моряков невольные явки к политическим. Так что к февралю семнадцатого года я, хотя и неграмотный, а был уже абсолютно готов к тому, чтобы определить себя.

Я перелистывал тетрадь, написанную размышлениями угловатым почерком. «Февральские дни революции 1917 года застали меня на судостроительном заводе Русского общества пароходства и торговли. В это время на заводе была создана партийная организация. В феврале я вступил в ее ряды и стал активно работать...» И дальше — рассказ за рассказом о далеких днях, беспрестанные наивные, но идущие от души и сердца.

«Всюду митинги, собрания и просто агитация по кварталам. Грамотных людей у нас было мало, а потребность в ораторах большая — для отпора эсерам, кадетам, меньшевикам и группам вроде украинских националистов. Сам я не умел выступать, но принимал активное участие в отпоре нашим политическим врагам. Наши ораторы говорили, взорвавшись на ядик. А всякая шпана мешала им, и в такие моменты я оказывал хорошую помощь: сила у меня была подходящая, и если надо, я мог кулаком заткнуть рот провокатору. Это была борьба за большевистскую речь, за большевистское слово...»

Железный прораб сконфуженно усмехается: — Сколько я мучился, пока писал! Я ведь не писатель, а строитель. И потом — я ведь с памяти писал, а не с мастикула. Вот... Трудно!

Я перелистывал еще несколько страничек. Вот описание памятных январских боев 1918 года за освобождение Одессы от гайдамаков. Мельников тогда был в рядах Красной гвардии. Вот странички, посвященные периоду

окупации Одессы французскими войсками. Вот красочный рассказ о распространении коммунистических листов среди французских солдат. Вот сочные картины панического бегства белогвардейцев из Одессы.

— Я как думаю, — тихо говорит мой седовласый собеседник. — Ну сколько мне еще осталось жить? Ну, пять-десять лет... Вымирает поколение наша старая гвардия. И если мы не оставим после себя хоть каких-нибудь немудреных записок, никто за нас этого уже не сделает. И люди нам этой лености не простят. Вот я и сижу над своими тетрадками, скриплю карандашом, а он, проклятый, все время ломается...

Я невольно улыбаюсь, вспоминаю, как четверть века тому назад на Тракторостроительной крошились и трещали в крепких пальцах железного прораба самые толстые карандаши. Смотрю я на своего старого друга и думаю: как много терпела наша история и наша литература в результате того, что чудесная горьковская затея тридцатых годов — создание при Союзе писателей кабинета мемуаров бывалых людей — предана забвению. Как важно было бы сейчас ее возродить!

Мельников проводит ручку по лбу и резко меняет тему разговора, ворчливо сдерживая себя: — Стар, стар становлюсь! Разболтался тут о древних временах, а тебе работать надо... Я теперь коротко, как в телеграмме, говорю тебе. Вот смотри, — он вытаскивает из своего чемодана новую пачку документов и фотографий.

«Это я реконструировал Луганского паровозного завода, помини, меня туда из Харьков послала. А это в Мавкееве. Посмотр на карту — это я чинил... Что? Не понял? Ну, чистку паровозу, — меня тогда назначили председателем комиссии по чистке партийной организации. А это мой инженерный документ... Да, ведь ты не знаешь, — я окончил высшие академические курсы при Промкаденмии. Это было в общахине против Института физкультуры. Собрали нас, практиков, и учили два года. А потом я опять на стройку пошел...»

Где только не довелось поработать на своем веку железному прорабу! Если бы я не был так хорошо знаком с ним, если бы не довелось мне своими собственными глазами побоядиться за ним в работе и в жизни, я сам, быть может, сказал бы: да не может быть, наверное, автор приукрашивает — собрал воедино десяток разных биографий и строит из них образ положительного героя. Чем то тут только нет — от встреч с потемкинцами до участия в строительстве первой в мире атомной электростанции, от боя с генералом Пеллегрини до военного похода Москва — Штеттин. Разве может все это уместиться в одну человеческую жизнь?

Представь себе, — оказывается, может! Всяду он успел, этот железный

прораб: и на строительство знаменитого листопрокатного стана в Запорожье, и на разработку торфа в Борзовичах, и на монтаж Большого Устьинского моста в Москве, и на строительство курорта Цахатубо, и на сооружение Дворца Советов, что начали было мы строить в Москве перед войной, да так и не успели закончить — немец помешал. А потом тому же Мельникову в первые годы довелось демонтажировать эти фермы — понадобилась сталь на восстановление мостов, взорванных гитлеровцами.

И опытная ему же пришлось строить мосты из этих самых ферм, прокладывая путь Советской Армии на Берлин. Это уже особая история, и ее одной хватило бы на целый роман. Но хотя мой рассказ и так растянулся, я не могу умолчать о том, как же железный прораб попал на фронт, хотя он уже тогда шагнул далеко за пятидесят лет, а в этом возрасте людей не признавали...

Вот лежит передо мной пачка поистине удивительных бумаг, сбереженная в том же обменном мельниковском чемодане. Я приведу их здесь полностью — без всяких комментариев.

Первая бумага датирована 22 апреля 1940 года. Написал ее сам железный прораб. Вот она:

«Народному комиссару обороны СССР товарищу К. Е. Ворошилову. От члена партии с 1917 года, партбилет № 3348191 Мельникова Дмитрия Афанасьевича. ЗАЯВЛЕНИЕ. Я, бывший десятник Красной гвардии, приняла участие во всех баррикадных выступлениях по захвату власти Советами в Одессе. В 1922 году добровольно пошел на ликвидацию генерала Пеллегрини под Якутском. Я хорошо знаю производство металлоконструкций, строительство мостов. Знаю, как вывешивать морж, такелажное дело. Чувствую, что в будущих боях с капитализмом смогу быть полезным бойцом, чувствую, что у меня сила и энергии хватит, — в этой области у меня порохов еще не подожом. Но я считаю, что в войне в современных условиях я не совсем подготовлен, а международная обстановка, по моему мнению, такова, что надо быть готовым к обороне нашего отечества. Поэтому я очень прошу Вас, товарища Ворошилов, принять меня сейчас на военную службу, поучить меня военному делу и подготовить политически, а я прилагаю все силы, чтобы воспринять и стать полноценным бойцом для будущих битв. Многие говорят мне, что теперь достаточно молодежи, а мы, старики, уже свое дело сделали. Но это будет неверно, как рассуждать. Мы, старики, кое-чему можем поучиться у молодежи, но у нас самих есть очень много такого, в чем нуждается наша революционная молодежь. Прошу не отказать в моей просьбе, принять меня в армию и дать мне подготовку военного бойца. С коммунистическим приветом — МЕЛЬНИКОВ».

К этому паразитическому человеческому документу аккуратно приложил выцветший, истертанный по краям, но бережно подклеенный документ, — видеть, не раз разглядывал его с веселой,

озорной искрой в глазах железный прораб: в военные годы, когда довелось так ему вновь надеть на себя серую солдатскую шинель. Дошло его письмо до канцелярии Московского военного округа, а оттуда пришла вежливая, лаконичная и ясная бумага:

«Мельникову Дмитрию Афанасьевичу. Политуправление МВО сообщает, что Вам в зачислении в кавры РККА отказано по возрасту».

Все было совершенно правильно и логично: говоря по чести, трудно было бы рассчитывать в 1940 году, что в армии вдруг призвуют старого старика. Но жизнь идет своими неопределимыми путями, и хотя 22 июня 1941 года железному прорабу, сразу же метнувшись в районкомат с просьбой взять его добровольцем на фронт, опять было отказано по той же причине, из-за преклонного возраста, — пришел-таки час, когда он настоял на своем. Было это уже в мае 1942 года, и вот третий документ из той же пачки:

«Московский городской военный комиссарат. ПРЕДПИСАНИЕ. Технику без звания Т. Мельникову Д. А. С. получившему сего предлазается Вам отбыть в распоряжение начальника отдела кадров Главного управления восстановительных работ по адресу — Красные ворота. ОСНОВАНИЕ: заявление о приеме».

И, наконец, еще один документ — служебная характеристика, выданная 11 октября 1945 года командиром 4-й железнодорожной бригады генерал-майором Кириченко демобилизовавшемуся в тот день инженеру-механику старшему технику-лейтенанту Дмитрию Афанасьевичу Мельникову:

«...Старший техник-лейтенант Мельников Д. А. показал себя хорошим специалистом по монтажным работам... Тов. Мельникову свойственны смелость, решительность и беспрерывное совершенствование технических приемов монтажных работ... В момент, когда для осуществления сложных работ не было опытных рабочих, он сам становился рабочим и выполнял эти работы, одновременно обучая личный состав и создавая из бойцов квалифицированных монтажников... Дисциплинирован. Морально устойчив. Политически развит. Делу партии и социалистической Родине предан. Среди личного состава пользуется высоким авторитетом. В боевой обстановке находчив и изобретателен».

За проявленные мужество, героизм и самоотверженность при восстановлении железнодорожных мостов старший техник-лейтенант Мельников награжден орденом «Отечественной войны» I и 2 степени, орденом «Красная Звезда», медалью «За боевые заслуги» и медалью «За оборону Москвы».

Мой друг прохочет, заливаясь своим раскатым смехом, потрясавшим без малого тридцать лет тому назад конструкцию Харьковского тракторостроителя. — Вот, хвалит за изобретательность! А ведь там не было! Хочешь — не хочешь, станешь новатором; фронт! Раздумывать некогда. Или ты выиграл, или проиграл —

ведь круглые сутки под обстрелом... Вдруг на лицо его набегает тень: — Был такой случай: мы за сто один час построили железнодорожный мост длиной восемьдесят шесть метров. Тогда мне еще орден дали... А чего нам это стоило! Потом подсчитали: на каждый погонный метр по четыре с половиной убитых. Как я сам увидел, до сих пор удивляюсь. Это было под Острелевкой на реке Нарев. Страшной силы там были бои. А обстановка такая: на одном берегу наши, на другом немцы, а мы — строители, последние строим мост. На реке лед. В нем — пятнадцать тысяч мин. И под огнем все время. В этих условиях нельзя не проявить, — как это они там пишут? — да, «совершенствование технических приемов монтажных работ»...

Железный прораб приложил, склонив свою седую голову, за дверью заливаясь слезами. Прислушавшись к ним, Мельников вдруг затарорился: — Что же это я, разболтался, как старая баба, а тебе работать. Нет, нет, не уговаривай, я понимаю. Только вот о чем и хотел спросить: не знаешь ли ты, к кому мне обратиться на счет туристской путевки в страны народной демократии? Говорят, сейчас можно на своей машине ехать за границу. Так вот мне хотелось бы, так сказать, проехаться по следам нашего батальона. Прихвачу с собой свою старуху, и айда. Пусть посмотрит, куда мы дошли. Может, где-нибудь еще и стоят мои мосты, а?.. Хотя вряд ли, небось, все временаки давно заменили.

Но тут, приметив тень сомнения в моих глазах, железный прораб опять затарорился: — Ты что?.. Думаешь, если мне семьдесят второй годок пошел, так, стабь быть, — сиди на печи? Нет, я сам себя проверил прошлым летом: подал старуху в свою «Победу», сам за баранку, и айда на Кавказ. Проехали мы с ней всю Военно-Грузинскую дорогу, потом поднялись на Сурамский перевал, выехали на Батуми, оттуда берегом на север. И повсюду — кулчас. Так мы шесть тысяч километров и проехали. Вернулись — крепче молодых. А врачи писали в курортных карточках: показан отдых только под Москвой. Вот какой получается разрыв между теорией и практикой... Ну, я пойду...»

Железный прораб собрал в чемодан свои рукописи и документы, захлопнул его и осторожно, стараясь не причинить боли, пожал мне руку... Через несколько дней мне сообщили, что персональный пенсионер Мельников Д. А. со своей женой укатил на «Победу» в туристскую поездку по Польше и Чехословакии.

А. ВРАГИНСКИЙ

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛДЖИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЬЕВ, Б. А. ГАЛТИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОНЬКИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.